

УДК 81 42

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТРАДИЦИОННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНАЛИЗОМ ЯЗЫКА?

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутск

Показывается ошибочность общепринятого понятия лингвистического анализа как анализа естественного языка. Взгляд на язык как на код, с помощью которого осуществляется обмен информацией, приводит к тому, что традиционный лингвистический анализ представляет собой анализ вещей – письменных слов, предложений, текстов; все они являются культурными артефактами и не принадлежат сфере естественного языка как видоспецифичного социального поведения, биологическая функция которого состоит в ориентировании себя и других в когнитивной области взаимодействий. Пока не будет отвергнута кодовая модель языка, лингвистический анализ будет продолжать обслуживать языковой миф, удерживая лингвистику в состоянии перманентного кризиса.

***Ключевые слова:** методология, письменноязыковая предвзятость, биология языка, консенсуальная область, функция языка.*

1. Проблема с лингвистикой как научной дисциплиной

В мировом сообществе лингвистов растёт чувство неудовлетворенности текущим положением дел в науке о языке. Ни бурная академическая деятельность, проявляющаяся в разного рода конгрессах, конференциях и симпозиумах, ни лавинообразный поток публикаций на лингвистическую тематику не могут заслонить того факта, что серьёзными достижениями в исследовании языка как уникальной человеческой особенности лингвисты похвастать не могут. Более того, самые разнообразные методологии и аналитические процедуры, используемые в лингвистике, просто невозможно свести воедино, определив как некие общие исходные познавательные установки, а влияние лингвистических изысканий на нашу повседневную жизнь продолжает оставаться практически ничтожным. Не приходится сомневаться, что традиционная лингвистика как наука находится в состоянии глубокого системного кризиса, симптомы которого налицо.

(1) Отсутствует консенсус в понимании природы языка как объекта изучения [8]. Различные теоретические подходы высвечивают разные «свойства» языка в зависимости от того, что является отправной точкой анализа: языковые структуры (структурализм), языковая функция (функционализм) или соотношение между языком и сознанием (когнитивизм); при этом отсутствует системный метод в определении того, что такое язык и что такое сознание. Сосредоточившись на текстах вместо естественного языка, структуралисты находят структуры в строении письменных слов и их организации в предложения и тексты – забывая при этом, что тексты представляют собой бестелесные культурные артефакты, лишённые какой-либо реально-временной динамики, характерной для естественно-языковых взаимодействий. Понятия «слово» и «предложение» суть абстрактные конструкторы, придуманные лингвистами для анализа того, как организованы тексты; в повседневных языковых

взаимодействиях мы редко говорим «предложениями», так же как и не порождаем тексты в процессе коммуникации. Изначальное значение греческого слова *грамматика* – ‘искусство письма’, поэтому неудивительно, что все попытки построить «грамматику дискурса» неизбежно оказываются тщетными.

Для функционалистов лингвистика – это наука о языковых функциях, главной из которых является коммуникация. Если подходить к языку как к видо-специфичному поведению, отличающему человека как биологическое существо, следует задаться вопросом: «В чем биологическая функция обмена информацией?» Но поставленный таким образом вопрос не имеет смысла при шенноновском понимании информации, поскольку в мире не существует уже готовой и хранящейся где-то информации. Говоря об обмене информацией в процессе коммуникации, лингвисты обычно подразумевают обмен знаниями. Тем не менее, в коммуникации знание, особенно разделяемое коммуникантами в социальном и культурном плане, чаще всего подразумевается и поэтому не выражается в разговоре или тексте. Более того, в существующей литературе самое понятие знания до сих пор не имеет последовательного непротиворечивого определения [5].

Для когнитивистов главный вопрос в том, как язык соотносится с сознанием, а поскольку язык как когнитивная способность человека находится в сознании, лингвистика призвана открыть нам важные факты, говорящие о структуре сознания. Однако характерный для когнитивизма главного направления интернализм – вера в то, что сознание локализовано в мозге – объективирует сознание, лишая смысла весь теоретический проект когнитивизма. Продолжая картезианскую традицию дуализма и опираясь на компьютерную метафору, когнитивисты рассматривают сознание как некое программное приложение, установленное в мозге, а язык – как процесс ввода-вывода информации, обеспечиваемый этой программой. Однако идея, согласно которой человеческий мозг работает подобно компьютеру, является, по меньшей мере, странной. Когниция – это биологический феномен, равно как и язык, который является функциональной характеристикой человеческого организма [19; 20]. Именно по этой причине когнитивизм не способен предложить приемлемого объяснения когниции ни как процесса, ни как функции. До тех пор, пока отсутствует понимание биологической природы когниции и языка, всякие рассуждения о том, как они работают, не имеют смысла: *gigni de nihilo nihil*.

(2) Множество самых разных «лингвистик» со своими специфическими предметными областями продолжают мирно уживаться, и их число лишь растёт, включая психо-, социо-, антропо-, этно-, нейро-, био-, эколингвистику, когнитивную лингвистику и т. п. Как следует из названий, эти дисциплины фокусируются на определённых аспектах языка, которые считаются важными для понимания его природы и функции. Вместе с тем, по своим методологическим основаниям все эти дисциплины мало чем отличаются друг от друга, поскольку рассматривают язык как инструмент, использование которого в той или иной степени определяется факторами, обозначенными в названии самой дисциплины. В то же время, взятые все вместе, эти дисциплины ясно указывают на то, что по-настоящему научное изучение языка невозможно без обращения к разным аспектам человечности. Другими словами, если мы хотим понять язык как явление, мы должны признать, что это уникальная характери-

стика биологического вида *homo sapiens* как социально организованной живой системы, состоящей из отдельных организмов. Но как только мы сделаем это, различные префиксы перед словом *лингвистика* становятся излишними.

(3) Часто очень трудно увидеть, в чём состоит практическая значимость той или иной лингвистической теории и как она может повлиять на жизненную практику человека – как это сделали за очень короткое время другие науки (например, физика, химия, генетика или медицина). Как известно, «нет ничего практичнее хорошей теории», и если та или иная теория на протяжении длительного времени не оказывает ощутимого влияния на нашу жизнь, возможно, что эта теория не так хороша и нуждается в переоценке.

Можно выделить по меньшей мере три причины кризиса, в котором пребывает лингвистика, и все они имеют отношение к методологии.

Во-первых, отсутствует чётко сформулированный идеальный проект науки о языке, ставящий своей целью ответить на главный вопрос: «Что и с какой целью должна изучать лингвистика?» Изгнание идеологии холизма из научных исследований и продолжающееся увлечение аналитизмом привели к невероятной фрагментации нашего знания о мире и о языке как особом способе взаимодействия с другими в этом мире. Не принимая во внимание того факта, что люди представляют собой биологический вид и что характерные для этого вида уникальные особенности должны объясняться с точки зрения биологии как «матери всего многообразия» [11], традиционная лингвистика неадекватно конструирует свой объект.

Во-вторых, широкое распространение идей структурализма способствовало институционализации языкового мифа [12] – веры в то, что язык представляет собой конечный набор правил для порождения неограниченного множества пар, в которых материальные *формы* соединяются с нематериальными *значениями* и которые используются для обмена мыслями в соответствии с заданным планом, определяемым этими правилами. Языковой миф – следствие двух взаимосвязанных заблуждений: веры в возможность передачи мыслей на расстояние и веры в заданность значений; именно на этих заблуждениях основана кодовая модель языка.

В-третьих, вера в то, что язык это жёсткая кодовая система, институционализована в общественной системе образования; как следствие, общество в целом разделяет иллюзию, что язык является инструментом для передачи мыслей [14]. Язык и мысль в таком случае приобретают разные, независимые друг от друга онтологии. Однако подобная кажущаяся независимость – всего лишь следствие проведения *эпистемического раздела* между тем, что наблюдается (языком как характерным для человека социальным поведением) и наблюдателем (вовлеченным в языковое поведение человеком, описывающим язык).

2. «Лингвистический анализ»

В основе идеологии традиционной лингвистики лежит философия объективного реализма – вера в то, что существует объективный мир полностью независимый от людей и того, что они думают или говорят о нем. Для объективного реалиста функция сознания состоит в построении ментальных репрезентаций различных аспектов мира; эти ментальные сущности составляют

содержание наших мыслей, которые мы выражаем в языковой форме в процессе коммуникации. Соответственно, язык по своей функции тоже репрезентативен. Однако понятие репрезентативной системы затемняет многие существенные измерения когниции, включая наше понимание восприятия и языка, наряду с изучением эволюции и самой жизни (см.: [23]).

Репрезентационалистский подход к языку можно кратко представить следующим образом: (а) когниция состоит в обработке ментальных репрезентаций *объективного мира*, (б) ментальные «образы» (схемы) далее репрезентируются в языковой форме (физические слова и высказывания), (в) письмо репрезентирует звуковой (естественный) язык, и между письменным и устным языком существует однозначное соответствие. Это ведёт к объективации языка и определению его функции как инструментальной – отличительным признакам ортодоксального подхода к изучению языка. Этот подход задаёт главные направления в изучении языка как знаковой системы, единство которой поддерживается отношениями между иерархически организованными компонентами этой системы. Используемое при этом понятие языкового знака как двусторонней сущности с репрезентативной функцией становится тем самым теоретическим конструктом, ущербность которого ведёт к эпистемологической, концептуальной и терминологической неадекватности общей теории языка, выстраиваемой на его основе [6].

Письменная языковая предвзятость лингвистики [9], а именно, подмена языковой деятельности (видо-специфичного социально обусловленного поведения сложной динамики – см. [4]) как естественного объекта изучения письмом как культурным артефактом, не позволяет лингвистике определить свою предметную область чётким и последовательным образом. Как следствие, имеет место ошибочное понимание того, что должно являться объектом лингвистики, а экстраполяция так называемых данных, полученных при изучении бестелесных текстов, на языковую деятельность как интегрированную в социо-культурную среду телесно воплощённое поведение ясно показывает, что эти *данные* не вписываются в реальность естественного языка [15].

По сложившейся традиции, так называемый лингвистический анализ – это всегда анализ языковых «единиц», обладающих специфической структурой и обнаруживающих определённые закономерности в своём совместном «поведении». Знать структуру языковых единиц и правила, которым подчиняется их «поведение» – значит знать «языковые факты», и идентификация, описание и классификация этих «фактов» составляют основу структуралистского подхода к языку как знаковой системе, организованной определённым образом (лексикон плюс грамматика) и обладающей определённой функцией («выражение и обмен мыслями»). Вместо того чтобы рассматривать язык как естественный феномен, лингвисты всеми силами пытаются его рационализировать, определяя его сущностные свойства через анализ текстов с использованием концептуального аппарата логики и математики. Однако язык – это не математика, а логика как наука о построении правильных умозаключений производна от языка, на котором эти самые умозаключения делаются. Стоит ли удивляться, что официальные теоретические грамматики зачастую имеют очень малую практическую пользу как для носителей того или иного языка, так и для тех,

кто изучает этот язык как иностранный: благодаря языковому мифу и репрезентационалистскому заблуждению, задающим эпистемологические основания таких грамматик, они рисуют неадекватную, если не искаженную картину языковой реальности.

3. «Языковые факты» и «языковые единицы»

Слово *факт* обычно используется в одном из двух основных значений: 'нечто произошедшее или сделанное' и 'нечто существующее'. Языковой факт как нечто «сделанное» погружён в пространственно-временной контекст естественно-языковой деятельности, частью которой является речь. Физическая природа речи (её воплощенность – неразрывная связь с человеческим организмом в его постоянно меняющихся эмоционально-соматических состояниях) исключает возможность её анализа как чего-то «существующего» вне хронологической последовательности ситуаций «здесь-и-сейчас». Вместе с тем, языковые взаимодействия порождают когнитивную область, актуальное действие в которой определяется не только текущей ситуацией, но и всей индивидуальной историей развития организма как структурно детерминированной системы. Это значит, что естественно-языковые взаимодействия не могут быть содержательно охарактеризованы / интерпретированы в терминах атемпоральных линейных отношений между элементами синтаксических структур, выделяемых при анализе текстов.

Языковой факт как нечто «существующее» – абстракция, по определению не привязанная к конкретному пространственно-временному контексту естественно-языковой деятельности, поэтому она неадекватна своему объекту. На нейронном уровне языковой «факт» существует как сохраняющийся во времени участок относительной нейронной активности, вызванной (языковыми) взаимодействиями организма с другими, носит сугубо индивидуальный характер и не дан в прямом наблюдении: ergo, он не может выступать объектом анализа, классификации и систематизации. Соответствующие операции над этими абстракциями осуществляются посредством придания им конвенционально обусловленной формы в виде графических образов / символов (системы письма). Но поскольку прямой «перевод» участков относительной нейронной активности в графические знаки невозможен, на письме кодируются отдельные элементы речевых событий (например, звуки или слоги, в зависимости от типа языка). Письмо как своеобразный код, принятый обществом, позволяет, после специального обучения, соотносить последовательности графических образов с элементами возможных речевых событий, такими, как слова и цепочки слов (словосочетания, высказывания). Прочтение вслух всякого текста есть реконструкция звуковой стороны возможного речевого события; оно не является реконструкцией естественно-языкового события как такового.

Если рассматривать букву как знак, указывающий на определённый соответствующий ему звук (денотат), то в рамках некоторого культурно-исторического этапа в развитии общества это соотношение (значение) будет иметь относительно постоянный и однозначный характер, т. е. буквенная система (алфавит) становится своеобразным кодом. Денотат знака-буквы не может быть произвольно изменен, так как это привело бы к нарушению кода и

потенциальной неузнаваемости и неинтерпретируемости последовательностей элементов кода (графических слов). Но именно это мы наблюдаем в языке, где нет однозначного и постоянного соответствия между словом и тем, знаком чего оно является: как подчёркивал Л. Витгенштейн, значение слова есть его употребление. На этом явлении и завязана вся проблема языкового значения, ибо «письменный язык – это не транскрибированный устный язык, перед нами совершенно новый языковой феномен, новое явление культуры» [1: 89].

Что такое «единицы языка»? Ответ на этот вопрос зависит от ответа на вопрос: «Что такое язык?» Ортодоксальное определение языка, основанное на отождествлении устного и письменного языка, задаёт номенклатуру его единиц как видов знаков (вещей), различающихся структурой и функцией. Выделяемые в процессе анализа текстов единицы языка (морфемы, слова, предложения) как культурные артефакты изначально атемпоральны, а их «бестелесность» (= абстрактность) позволяет манипулировать ими, комбинируя и перекombинируя их в различных последовательностях. Подобный подход к языку лежит в основе структурально-аналитической парадигмы с её установкой на изучение языка «в себе и для себя», при этом под языком понимаются тексты, якобы репрезентирующие естественный язык.

Однако аналитизм как главный методологический принцип философии познания практически исчерпал себя. Сколько бы мы ни разлагали нечто, категоризованное нами как целое, на отдельные составные части, и какое бы хорошее представление об устройстве этих частей и их совместном функционировании мы ни имели, это не способствует нашему продвижению по пути познания, если мы не понимаем природы этого целого и его отношений с миром как системой, функциональной частью которой является это целое: только через понимание целого мы можем понять функцию его частей. Ортодоксальная лингвистика не может похвастать пониманием языка как целого, а используемые ею аналитические процедуры подобны молекулярному анализу – да и сама химическая метафора широко представлена в метаязыке лингвистики. Но что даёт такой анализ для понимания сущностных свойств исследуемого явления? Например, молекула воды H_2O состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода: оба вещества являются газами, при этом водород – горючий газ, а кислород необходим для поддержания процесса горения. Однако соединение атомов этих двух веществ в определённым образом организованную структуру (молекулу воды) даёт вещество иного агрегатного состояния, ничего общего не имеющее со свойствами составляющих его элементов.

Ошибочное понимание природы и функции языка ведёт к тому, что так называемый лингвистический анализ нельзя считать анализом языка как естественного явления – точно так же, как самый тщательный анализ оперения птицы не может привести к пониманию птицы как живой системы, являющейся функциональной частью мира как целого. Но что же, в таком случае, должно служить отправной точкой в научном исследовании языка?

Во-первых, необходимо понять, что язык – это не вещь и, тем более, не инструмент. Инструментальность языка предполагает его отдельное, независимое существование от мыслительной деятельности, т.е. то, против чего предостерегал ещё Л. С. Выготский и против чего решительно выступает биоло-

гически ориентированная когнитивная наука. Человеческое мышление – мышление языковое, так как развитие мыслительной способности у человека зависит от способности принять «языковую стойку» [10], заключающуюся в понимании контекстуализированного языкового поведения других и себя как ценностной системы координат, накладывающей ограничения на наши взаимодействия с миром. Слово *язык* отсылает к неоднородному набору артефактов и практик, с помощью которых мы используем различные виды поведения таким образом, что становится возможным приписывание семиотических значений: значение возникает из отношения между организмом и его физической и культурной средой, определяемого ценностью среды для организма [2]; как объект традиционного лингвистического изучения, описания и анализа, язык представляет собой виртуальный объект [16].

Во-вторых, не существует внутренних законов эволюции / развития языка отдельно от эволюции человека как биологического вида: «Эволюция живых систем – это эволюция ниш, образуемых единствами взаимодействий» [19: 4]. Как люди мы становимся тем, что мы есть, погружаясь в поток совместной деятельности с другими, и уникальной характерной чертой этой деятельности является язык. Языковая динамика включает различные процессы, сопровождающие наше встраивание в среду, в том числе вокализацию, перцепцию и интерпретацию. В свою очередь, эти процессы каузально обусловлены процессами, составляющими когнитивную динамику, характерную для разных временных шкал – эволюционной, исторической, опытной и т. п.

В-третьих, язык как когнитивная деятельность – это особый вид поведения в консенсуальной области. Для наблюдателя (например, для когнитивного лингвиста) это поведение выступает как описание структуры организма в момент осуществления деятельности, при этом структура самого организма есть результат истории взаимного структурного сопряжения между организмом и средой. Поскольку язык является продолжением человеческих органов чувств [21], и поскольку человеческий организм – это структурно детерминированная живая система, языковые взаимодействия, образующие особое измерение когнитивной области организма, становятся той реляционной областью, в которой люди существуют как единства взаимодействий. Эта реляционная область становится важной экологической нишей [18], без и вне которой человека невозможно понять ни в биологическом, ни в социальном аспекте.

Наконец, язык имеет биологическую (адаптивную) функцию ориентирования себя и других в когнитивной области взаимодействий, задавая систему ценностных ориентиров общества [13] и определяя экзистенциальные траектории индивидов. Другими словами, язык – это то, что делает нас людьми.

4. Заключение

Основанная на языковой мифе ортодоксальная теория языка, до сих пор определяющая содержание образовательных программ в школе и вузе, лишена сколько-нибудь заметной практической ценности, продолжая оставаться «как-лингвистикой», тогда как главным вопросом всякого научного проекта должен быть вопрос: «Зачем?» [3]. Эффективность лингвистических образовательных программ практически равна нулю, поскольку функциональ-

но выпускники школы находятся примерно на том же уровне, что и при поступлении в школу. С каждым годом общий уровень интеллектуального развития выпускников школ падает, а степень профессиональной некомпетентности выпускников вузов растет (см.: [22]). Всё это – следствие методологического порока ортодоксального языкознания, исходящего из кодовой модели языка.

Можно достаточно обоснованно утверждать, что на современном этапе лингвистика как научная дисциплина перестала соответствовать условиям, по которым санкционируется общественная полезность и значимость соответствующего вида деятельности; возникла настоятельная необходимость в переосмыслении важнейших понятий современной науки о языке [7]. До тех пор, пока не будет отвергнута кодовая модель языка, а предметом языкового анализа не станет языковая деятельность как динамически сложное, биологически укоренённое, социально обусловленное поведение в консенсуальной области взаимодействий и её роль в развитии мозга, мышления и сознания [17], так называемый лингвистический анализ будет продолжать обслуживать языковой миф, удерживая лингвистику в состоянии перманентного кризиса.

Список литературы

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: УРСС, 2003. 304 с.
2. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Язык и познание: методологические проблемы и перспективы*. М.: Гнозис, 2006. С. 308–361.
3. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2005. 720 с.
4. Коули С. Дж., Кравченко А. В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке // *Вопросы языкознания*, 2006. № 6. С. 133–141.
5. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Ирк. обл. типография № 1, 2001. 261 с.
6. Кравченко А. В. «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // *Когнитивные исследования языка*. Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации, М.; Тамбов: ИЯ АН; ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 205–216.
7. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
8. Кравченко А. В. О предметной области языкознания // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155–172.
9. Линелл П. Письменная языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли // *Наука о языке в изменяющейся парадигме знания*. Иркутск: Изд. БГУЭП, 2009. С. 153–191.
10. Cowley S. J. Taking a language stance // *Ecological Psychology*. 2011. Vol. 23. Pp. 1–25.
11. Givón T. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009. xviii, 366 p.
12. Harris R. *The Language Myth*. London: Duckworth, 1981. 212 p.
13. Hodges B., Baron R. Values as constraints on affordances: perceiving and acting properly // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1992. Vol. 22. Pp. 263–294.

14. Kravchenko A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences. 2007. Vol. 29(5). Pp. 650–671.
15. Kravchenko A. V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // Pragmatics & Cognition. 2009. Vol. 17(3). Pp. 527–548.
16. Kravchenko A. V. Native speakers, mother tongues, and other objects of wonder // Language Sciences. 2010. Vol. 32(6). Pp. 677–785.
17. Kravchenko A. V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // Constructivist Foundations. 2011. Vol. 6(3). Pp. 352–362.
18. Kravchenko A. V., Boiko S. A. What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process // Russian Journal of Communication. 2014. Vol. 6(3), Pp. 232–245.
19. Maturana H. Biology of Cognition. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970. 27 p.
20. Maturana H. Biology of language: The epistemology of reality // G. Miller, E. Lenneberg (eds.). Psychology and Biology of Language and Thought. New York: Academic Press, 1978. Pp. 28–62.
21. Morris C. Foundations of the theory of signs // O. Neurath, R. Carnap, C. Morris (eds.). International Encyclopedia of Unified Science, vol. 1, part 2. Chicago, 1938. 59 p.
22. Romano L. Literacy of college graduates is on decline: Survey's finding of a drop in reading proficiency is inexplicable, experts say // Washington Post, 2005, December 25; A12.
23. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 308 p.

IS TRADITIONAL LINGUISTIC ANALYSIS AN ANALYSIS OF LANGUAGE?

A. V. Kravchenko

Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk

The paper argues that the standard notion of linguistic analysis as the analysis of natural language is misleading. Viewing language as a code used for the exchange of information invariably results in traditional linguistic analysis being an analysis of things – written words, sentences, and texts, all of which are cultural artifacts and do not belong to the realm of natural language as species-specific social behavior with a biological function of orienting others and self in their cognitive domain of interactions. Until the code model of language is forsaken, linguistic analysis will continue to dance attendance on the language myth, keeping linguistics in a state of permanent crisis.

Keywords: *methodology, written language bias, biology of language, consensual domain, language function*

Об авторе

КРАВЧЕНКО Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Байкальского государственного университета экономики и права, e-mail: sashakr@hotmail.com